

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.08

Рокки Энтони Карл

магистр исторических наук, магистр библиотековедения

Торонто, Канада

tony.rocchi@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Формирование политических партий и движений по всему спектру в Российской империи явилось следствием европеизации политической жизни в пореформенной империи. Примерно 300 партий существовали в бывшей империи между 1880-ми и 1920-ми гг. Однако история российских политических партий сильно отличается от истории европейских партий и можно с уверенностью говорить об их особенном пути. Данная статья прослеживает элементы различия между российскими и европейскими партиями, а именно: последовательность организации партий в России и Европе и отношение российских партий к политическому террору как средству политической борьбы. Все партии, в том числе либеральные и консервативные, признавали полезность террора для продвижения и достижения своих политических целей. Через сравнительный подход к исследованию истории партий в России и Европе мы можем определить элементы российской самобытности. Существование политических партий и движений в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Все партии в разной степени были в оппозиции к существующему общественно-политическому строю. Однако парадоксально, что многие представители политических движений по всему спектру разделяли несогласие последнего царя и многих членов правительства на переход Российской империи к модели европейской либеральной государственности. В истории европейских революций этот отказ от европейских норм государственности и законности был беспрецедентным и значительно предопределял ход событий в истории думской монархии и в революции 1917–1922 гг.

Ключевые слова: российские политические партии, европейские политические партии, общеимперские партии, национальные партии.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.08

Rocky Anthony Karl

Master of Historical Sciences, Master of Library Sciences

Toronto, Canada

tony.rocchi@gmail.com

**POLITICAL PARTIES AND MOVEMENTS
IN THE RUSSIAN EMPIRE AND EUROPEAN COUNTRIES:
SIMILARITIES AND DIFFERENCES**

Abstract. The formation of political parties and movements across the spectrum in the Russian Empire was a derivative of the Europeanization of political life in the post-reform empire. About 300 parties existed in the former empire between the 1880s and 1920s. However, the history of Russian parties strongly differs from the history of European parties and one can speak with certainty about the special path of the history of Russian political parties. This article examines the elements of difference between Russian and European parties. These elements of difference included: the sequence of organization of parties in Russia and Europe and the relationship of Russian parties to political terrorism as a form of political struggle. All parties, including liberals and conservatives, recognized the usefulness of terrorism for promoting and attaining their political goals. Through a comparative approach to the study of the history of parties in Russia and Europe, we can determine elements of Russian uniqueness. The existence of political parties and movements in Russia was one more example of the strained relationships between the autocracy and society. All parties in varying degrees were in opposition to the existing political-social order. However, paradoxically, many members of political movements across the spectrum shared an unacceptance with the last tsar and many members of the government of the possibility of the Russian Empire going over to a model of European liberal statehood. In the history of European revolutions, this rejection of European norms of statehood and legality was unprecedented and significantly shaped the course of events in the history of the Duma monarchy and the Revolution of 1917–1922.

Keywords: political parties Russian Empire, European political parties, empire-wide parties, national parties.

Введение. Статья прослеживает элементы различия между политическими партиями и движениями в Российской империи и европейских странах. Формирование и развитие политических партий, главным образом в период царствования Николая II, явились следствием европеизации политической жизни в пореформенной империи. Примерно 300 партий существовали в бывшей империи между 1880-ми и 1920-ми гг. Мы можем с уверенностью говорить об особенном пути истории российских партий в общеевропейском историческом контексте.

Главные элементы различия между российскими и европейскими партиями включали последовательность организации партий в России и Европе

и отношение российских партий к политическому террору как средству политической борьбы. Все партии, в том числе либеральные и консервативные, признали полезность террора в достижении своих политических целей.

Политические партии и движения возникают при конкретных исторических условиях в отдельных странах и регионах. Период оформления политических партий в России при царствовании Николая II совпадал с массовой волной террора между 1901–1911 гг., Первой российской революцией 1905–1907 гг. и становлением думской монархии. Существование политических партий и движений в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Все партии в разной степени были в оппозиции к существующему общественно-политическому строю. Даже самые лояльные партии, особенно черносотенные, часто выступали за «революцию справа». Самодержавие всегда не доверяло всякой общественной инициативе, даже самых лояльных партий. Парадоксально, но многие представители политических движений по всему спектру разделяли несогласие последнего царя и правительства на переход Российской империи к модели европейской либеральной государственности. В истории европейских революций этот отказ от европейских норм государственности и законности был беспрецедентным и в значительной степени предопределил ход событий в истории думской монархии и революциях 1917 г.

В статье используется сравнительный подход (компаративистика), который только зарождается в России. Используя эту методологию, мы сможем определить элементы самобытности в истории российских политических партий.

Отечественная историография политических партий имеет долгую историю. Крупным достижением в дореволюционной историографии явился выход в 1909–1914 гг. четырехтомника «Общественное движение в России в начале XX века»¹. Его составителями были главным образом меньшевики, но этот труд является исчерпывающим исследованием, показывающим этапы возникновения и развития всех партий и движений. В первые годы советской власти исследователи опубликовали много сборников документов и полемических работ о небольшевистских партиях. В 1930–1950 гг. исследование непролетарских партий оказалось под сталинским запретом.

В 1960-х гг. советские историки начали публиковать монографии о небольшевистских партиях. Однако при жестких идеологических рамках, исследования всегда старались доказывать закономерную победу большевиков в 1917 г. и закономерное поражение небольшевистских партий. Публиковались коллективные монографии обо всех партиях². Ради справедливости необходимо заметить, что советские историки вводили многие ценные первоисточники в научный оборот. Наше знание о российских политических партиях

¹ Общественное движение в России в начале XX-го века: в 4 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909–1914.

² Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М., 1984. 566 с.

и движениях особенно расширилось после распада Советского Союза в 1991 г. Поток публикаций сборников партийных документов и монографии значительно увеличился. Крупным достижением постсоветской историографии стало издание в 1996 г. энциклопедии политических партий периода 1880–1920-х гг.³

Ход и результаты исследования. С конца XIX века политические партии и движения стали составной частью политической жизни России и европейских стран. Процесс организаций европейских политических партий в общем начался после поражения общеевропейских революций 1848–1849 гг. До этого времени существовали тайные общества, особенно среди либералов, социалистов и националистов, неформальные кружки политических деятелей, главным образом на местном уровне, масонские ложи, группы единомышленников в парламентах и других законодательных институтах. После начала процесса формирования партий существовали и легальные, и нелегальные партии. Кроме того, некоторые движения и партии, особенно анархисты всех толков, не принимали участия в выборах и парламентах.

В России такой процесс начался главным образом в царствование Николая II, хотя уже в 1880-х гг. на окраинах империи возникали политические партии, в том числе польская революционная партия «Пролетариат», основанная в 1882 г. Отметим, что историки никогда не считали «Народную волю», существовавшую между 1879–1894 гг., партией. Народники и народолюбцы часто утверждали, что они были членами социально-революционной партии, но это выражение понималось лишь как совокупность приверженцев социалистических идеалов.

О размахе многопартийности в России можно судить по подсчетам российского исследователя В. В. Кривенького. В России конца XIX – начала XX в. номинально действовало около трехсот партий — общероссийских и национальных. Если до 1905 г. в стране возникло четыре общероссийских (общеевропейских) и 47 региональных партий и движений, то к февралю 1917 г. их число уже составляло 45 общероссийских и 113 региональных партий и движений, с марта по октябрь 1917 г. возникло восемь общероссийских и 46 региональных партий и движений, а с конца 1917 по 1925 г. список российских политических партий пополнился еще семью общероссийскими и 76–79 региональными организациями, большинство которых тяготело к социалистической ориентации. Таким образом, в период с 1882 по 1925 г. в России функционировало 60 общероссийских и 228–231 национальных партий и движений⁴. Подсчеты не включают многочисленные организации и группы анархистов всех толков и маргинальные группы, главным образом левые и правые, без партийной принадлежности. Разные факторы затянули процесс формирования партий, в том числе неравномерное политическое пробуждение разных слоев.

³ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996.

⁴ Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России: материалы Международ. конф. (Москва, 21–22 мая 1996 г.) / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997. С. 123–130.

Трудно подчитать число политических партий в Европе до Первой мировой войны. Можно найти монографии о политических партиях в отдельных странах, но почти невозможно найти даже справочные работы о партиях, кроме левых, в общеевропейском масштабе. Однако вполне доступны электронные справочные материалы об исторических партиях⁵.

Слово «партия» происходит от латинского *partis* — «часть». Что же такое политическая партия? Современные российские авторы утверждают, что это «организация политического характера... выражает интересы определенного класса или социального слоя, объединяя наиболее активных его представителей в борьбе за достижение поставленных целей. Главная цель партии — завоевание власти»⁶.

Такие дефиниции описывают идеальное положение дел для политических партий, особенно когда речь идет об условиях нелегальности для большинства партий в Российской империи. Подчеркнем также, что не все партии идентифицировали себя таким образом. Например, нацистские, фашистские и другие подобные партии предпочитали называться движениями. Партия могла представлять лишь часть социума и, следовательно, была источником раздора и расколов в нации. Движение, наоборот, может представлять все части социума, способно покончить с раздорами и положить начало возрождению сплоченной нации. Анархисты предпочитали называть свои организации движениями потому, что они считали все партии, даже социалистические, составными частями продажной социально-политической системы, заслуживающей уничтожения.

Советские исследователи использовали строгий классовый подход к дефиниции партий. Историк Л. М. Спирин подчеркивал, что политические партии возникли в Европе на этапе капиталистической формации и давал следующее определение: «Политическая партия — это соответствующим образом оформленная организация самой активной части класса (или слоя класса), которая ставит своей целью ведение политической борьбы за интересы данного класса (или слоя) и наиболее последовательно их выражает и защищает»⁷. Спирин признался, что интеллигенция часто организует партии для разных классовых слоев и добавил, что часто люди ошибочно вступают в партии «чужих» классов, не представляющие их действительные интересы. По мнению Спирина, в дореволюционной России существовали четыре группы партий: помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарские (т. е. большевики).

⁵ Сайт [World Statesmen.org](https://www.worldstatesmen.org) включает списки правительств, правителей и политических партий всех стран и регионов в Европе и бывшем Советском Союзе. URL: <https://www.worldstatesmen.org/EUROPE.html>; <https://www.worldstatesmen.org/ASIA.html>; <https://www.worldstatesmen.org/COLONIES.html>. Бесплатная электронная энциклопедия «Википедия» тоже имеет раздел по отдельным странам о европейских политических партиях, прекративших свое существование: Wikipedia. Category: Defunct political parties in Europe. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Defunct_political_parties_in_Europe

⁶ Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 5.

⁷ Непролетарские партии России... С. 4.

Дореволюционные партии составляли три партийно-политических лагеря: правительственный, либерально-оппозиционный, революционно-демократический⁸.

Такой классовый подход чересчур схематичен и игнорирует сложности партийной истории. Постсоветская энциклопедия «Политические партии России» подчеркивает, что нет и не может быть чисто классовых партий даже если партия провозглашает, что она представляет интересы определенного класса или слоя. Характерной чертой российской многопартийности авторы энциклопедии считают то, что ее творцом и главным действующим лицом являлась интеллигенция. Поэтому как общероссийские, так и национальные партии можно считать организациями интеллигентского типа». Все партии использовали идеологические модели преобразования общества и такие модели влияли на партийные программы, организационные структуры и тактику⁹. Это еще раз доказывает, что возникновение партий в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом.

Партии представляли общество — совокупность политически сознательных людей. Заметим, что рядом с партиями существовали массовые народные протестные движения, особенно в период революции 1905–1907 гг.¹⁰ Социальную базу российских политических партий составляли представители различных профессиональных слоев (в том числе и интеллигенции), студенчества, а также участники общественных организаций.

Самое большое различие между российскими и европейскими партиями проявляется в последовательности организации партий. Формирование политических партий и движений в европейских странах обычно шло стандартным путем. Первыми формировались либеральные партии, выступившие за продолжение экономического прогресса и расширение политических свобод. Вслед за либералами обычно, но не всегда, создавались консервативные партии, ратовавшие за медленный прогресс и сохранение наилучших традиций прошлого. Были также реакционные партии, стремившиеся к сохранению монархических, церковных и сословных привилегий. Потом формировались социалистические, социал-демократические и другие рабочие партии, выступившие за экономическое преобразование общества и ликвидацию капитализма. Многие из левых партий стали членами Социалистического (Второго) Интернационала, организованного в 1889 г.

Создавались и крестьянские партии наряду с аграрными партиями землевладельцев. Националистические партии по всему политическому спектру обычно выступали за автономию или независимость этнических групп

⁸ Непролетарские партии России... С. 8.

⁹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 6.

¹⁰ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.; Ее же. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

(в многонациональной Австро-Венгерской империи также возникали партии господствующих немецкой и венгерской наций). В Австро-Венгрии социалистические, крестьянские, либеральные и консервативные партии часто создавались по этническому принципу. В Османской империи доминировали партии, созданные по этноконфессиональному принципу. Региональные партии в Европе выступали за права регионов внутри государств, конфессиональные партии старались защищать интересы религиозных общин, женские и молодежные общественно-политические движения требовали изменения социальных отношений внутри государства и общества, анархические группы ратовали за замену государства свободной ассоциацией общин. В конце этой очереди стояли крайне правые популистские партии, выступившие против либерализма и социализма, а также против традиционных консервативных партий. Такие партии часто называются партиями политического антисемитизма, потому что они часто обвиняли евреев в создании капитализма, либерализма и социализма. Хотя эти партии привлекали мало приверженцев, они стали предшественниками фашистских, нацистских и подобных им партий и движений в новых условиях после Первой мировой войны. Кроме того, существовали синкретические движения, сочетавшие правые и левые элементы¹¹.

Последовательность организации политических партий в России существенно отличалась от европейских стран (за исключением Австро-Венгерской империи). В России были и общеимперские (общероссийские), и национальные партии. Уже в 1880-х гг. на окраинах возникли национальные партии. В 1893 г. некоторые социалисты и либералы организовали «Партию народного права», чтобы соединять все оппозиционные элементы для достижения политической свободы. Партия была разгромлена через год. Организация партии совпадала с последними попытками восстановить «Народную волю».

Первыми в России институализировались социалистические партии. В 1898 г. возникла Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), но практически сразу, на II съезде партии в 1903 г. она раскололась на большевистскую и меньшевистскую фракции, правда, разрыв этот стал окончательным только в 1917 г. Потом возникла в 1901 г. неонародническая Партия социалистов-революционеров (эсеры), наследница «Народной воли», но с сильным влиянием марксизма. Только в 1905 г. сформировалась из разных либеральных организаций («Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», «Союз союзов») главная либеральная партия — Конституционно-демократическая партия (кадеты), или Партия народной свободы (ПНС). Консерваторы и умеренные либералы организовали «Союз 17 октября»: октябристы приняли Октябрьский манифест как исходный пункт

¹¹ Рокки Т. Революция справа: российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 53.

для совместной работы с правительством. Наконец, в конце 1905 г. произошла организация массового крайне правого популистского «Союза русского народа» (СРН) (заметим, что элитарное «Русское собрание» возникло в январе 1901 г.). До Первой мировой войны СРН был не только самой многочисленной партией в России¹², но и самой большой крайне правой популистской партией в Европе. Существовали и другие черносотенные организации, а также русские правые националистические партии.

Многие партии и группировки занимали промежуточные позиции между черносотенцами и октябристами, октябристами и кадетами, кадетами и социалистами. Имелись анархистские движения разных направлений: анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты, анархисты-индивидуалисты и т. д. Заметим, что анархические политические движения сильно отличались от своеобразного крестьянского монархического анархизма. Все попытки организовать общеимперские анархические федерации потерпели неудачу из-за неприятия идейными анархистами самого принципа централизации.

Кадеты, октябристы, эсеры, народные социалисты (энесы), союз эсеров-максималистов (обе партии откололись от эсеров в 1906 г.), большевики, меньшевики и «Союз русского народа» были общероссийскими партиями. Параллельно с ними существовали и десятки национальных партий среди национальных меньшинств. Эти партии были преимущественно либерального, народнического и марксистского направлений (консервативные и даже реакционные национальные партии существовали только среди поляков и немцев). Они часто вступали в блоки с кадетами, эсерами и эсдеками, выдвигали требования об автономии, или независимости. Правые партии, как «Союз русского народа», «Русское собрание» и другие, представляли интересы православно-националистически настроенных сторонников монархии и периодически (не без давления правительства) пытались вступить в блок с «Союзом 17 октября»¹³. Кроме того, в русских и этнически смешанных краях, особенно в Сибири существовали региональные партии и движения, выступающие за автономию и охватывающие весь политический спектр. Очень важно отметить, что национальные партии, особенно среди поляков, евреев, финнов, армян и прибалтийских народов, формировались до возникновения общероссийских либеральных и социалистических партий и до возникновения черносотенных и других русских националистических партий и движений. Существовали также конфессиональные партии по всему политическому спектру, представлявшие интересы людей разных вероисповеданий, не только религиозных меньшинств, но и православных. Мусульманские партии обычно были многонациональными, хотя встречались и моноэтнические. Еврейские

¹² *Омельяничук И. В.* Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3.

¹³ *Омельяничук И. В.* Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 63, 67.

партии включали сионистские партии разных толков, а также представляли нерелигиозных евреев. Конфессиональные партии всех вероисповеданий часто вступали в блоки с общеимперскими партиями.

Отношения между общеимперскими и национальными партиями имели свои сложности. Многие представители нерусских народов являлись членами общеимперских партий. Представители же общеимперских социалистических партий порой выражали сомнения в приверженности национальных социалистических партий идеям социализма¹⁴.

Несмотря на пестроту партий в дореволюционной России, их организационная структура сильно отличалась от европейских партий. В условиях свободы в европейских странах партии могли развивать широкие сети аффилированных организаций — профессиональных, культурных, спортивных и т. п. В российских условиях нелегальности или полуполициальности для подавляющего большинства политических организаций политические партии обычно были аморфными организациями с элементами кружковщины. Легальные партии, как, например, «Союз русского народа», действительно были конгломератами многих автономных организаций и трудно подсчитать действительную численность их членов¹⁵. Имели место многочисленные конфликты внутри партий, например между правыми и левыми кадетами и между различными направлениями в партии эсеров.

В отличие от европейских российские партии, особенно левые, имели заграничные штабы и приверженцев в диаспорных общинах Европы и Америки. Историки часто сосредоточивают внимание на размежевании и конфликтах партийных руководителей в эмиграции и не обращают внимания на частное сотрудничество рядовых членов партий в России для организации революционной деятельности, в том числе и терактов¹⁶.

Уже отмечалось, что партии стали производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Постоянное правительственное недоверие ко всяким общественным инициативам, даже от самых лояльных партий, обостряло эту напряженность. Как предположил американский историк Дж. Дэйли, самодержавие не особо активно искало сторонников среди различных политических группировок: «Императорское правительство выжидало и не требовало большей надежности от российских подданных. Правительство хотело полагаться на них, чтобы не заниматься деятельностью, вредной для интересов государства, но не ожидало, что их подданные будут оказывать активную поддержку государству. Они были свободны придерживаться своего мнения, расходящегося с интересами правительства, возможно, даже выразить эти мнения в какой-то завуалированной или умеренной форме,

¹⁴ Рокки Т. Революция справа... С. 53–54.

¹⁵ Степанов С. А. Черная сотня: что они сделали для величия России. М., 2013. С. 179–184.

¹⁶ Melancon M. “Marching Together!”: Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

но они не должны были произносить их громко или решительно. Одним словом, просто вера была достаточна. В отличие от этого, многие русские революционеры, а затем Советское правительство ожидали, а в некоторых случаях, требовали поддержки»¹⁷. В отличие от самодержавия европейские правительства мобилизовали все возможные институты: школьную систему, средства массовой информации, военную службу, чтобы жители стали гражданами с сознанием своих прав и ответственности перед государством и обществом.

Особенную остроту в отношениях между правительством и партиями приобретал вопрос допустимости политического террора как средства борьбы. По статистике, приведенной американской исследовательницей А. Гейфман, между 1901 и 1911 гг. левые террористы совершили тысячи терактов, во время которых было убито или ранено примерно 17 000 людей. Подавляющее большинство терактов было совершено в период с октября 1905 г. по сентябрь 1911 г.¹⁸ Благодаря существованию партий террористы могли развивать свою организационную, техническую, финансовую и пропагандистскую инфраструктуру, а также получать большую поддержку от сочувствующих.

С 1905 по 1911 г. представители многих левых партий и движений совершали теракты: всероссийские партии, в том числе социалисты-революционеры, отколовшиеся от них эсеры-максималисты, анархисты всех течений; социал-демократы — и большевики, и меньшевики, — несмотря на громкую критику индивидуального терроризма Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, Ю. О. Мартовым и В. И. Лениным, национальные социалистические и народнические партии. Имели место также и теракты, совершаемые боевыми дружинами из «Союза русского народа» и других черносотенных организаций¹⁹. Масштабность террора заставляла все партии и движения определять свое отношение к этому насильственному средству политической борьбы.

Умеренные социалисты, как и народные социалисты и фракция трудовиков в Государственной думе, не участвовали в терроре, но и не осуждали его. Либералы, особенно из партии кадетов, поддерживали левый террор, чтобы принудить правительство пойти на уступки — дарование политической свободы и конституции. Однако кадеты и другие либералы осудили правый террор и обвиняли самодержавие в жестокой репрессивной политике против благонамеренных, хоть и наивных представителей революционного лагеря. Лишь либерально-консервативный «Союз 17 октября» осудил и левый, и правый террор по нравственным соображениям. Партии, занимающие серединную линию между октябристами и кадетами, имели различные мнения о левом

¹⁷ *Daly Jonathan W.* Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb, 1998. P. 260.

¹⁸ *Geifman A.* Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.), 1993. P. 21.

¹⁹ *Омельяничук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 41.

терроре. То же самое можно сказать о многих консервативных и либеральных национальных партиях. Правые и русские националистические партии осудили революционный террор. Примечательно, что и теракты черносотенных боевых дружин, а также стихийные погромы не получили однозначной поддержки консерваторов. Ведь для последних каждый акт насилия являлся нарушением порядка и первым шагом к уничтожению существующего общественно-политического строя²⁰.

Волна террора между 1901–1911 гг. была продолжением первой волны, проводимой главным образом «Народной волей» в 1878–1894 гг. Обе волны российского террора, в общем, совпадали с европейской «эпохой динамита» 1870–1914 гг. В то время теракты, совершаемые в основном анархистами и националистами, уносили жизни монархов, президентов, других государственных деятелей, а также многих простых людей. Российская страница «эпохи динамита» сильно отличалась от общеевропейских тенденций не только количеством жертв, но и числом партий и движений, принимавших участие в терроре или поддержавших насильственные средства политической борьбы.

Можно охарактеризовать вторую волну террора как очень многолюдное и многопартийное игровое поле участников, сторонников и противников. Все партии и движения (за исключением части консерваторов) признали полезность террора для продвижения и достижения своих политических целей. Такое явление не имело эквивалентов в истории европейского и мирового террора с конца XIX в. и вплоть до наших дней.

Заключение. Политические партии и движения возникают в конкретных исторических условиях в отдельных странах и регионах, и Российская империя не стала исключением из правил. Возникновение партий в России явилось одним из следствий европеизации политической жизни в пореформенной империи. А причиной их возникновения можно считать существование весьма напряженных отношений между самодержавием и обществом. Однако российские партии сильно отличались от европейских аналогов, в особенности последовательностью возникновения и отношением к допустимости политического террора. Все партии, в том числе большевистская, являлись интеллигентскими движениями. Кроме того, подавляющее большинство партий было в разной степени в оппозиции к правительству. Неудивительно, что самодержавие не особенно доверяло общественным инициативам.

Широкий спектр партий и движений отражал долгосрочные общественные конфликты, существовавшие в России. Отмена крепостного права в 1861 г. положила начало великому переходу России от доиндустриального порядка к индустриальному веку, который к этому времени уже осуществился в Европе.

²⁰ Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 октября 2019 г.). Тула, 2020. С. 414.

Этот переход, как в Европе, так и в России, был периодом серьезных экономических потрясений и общественно-политических кризисов, сопровождавшихся массовой социальной фрустрацией населения. Причинами последней стали распад доиндустриальных политических и социальных отношений и кризис системы ценностей. В России отмена крепостного права сломала фундамент доиндустриального порядка и положила начало разложению других традиционных отношений и ценностей. В этот период в России имели место острые конфликты между разными слоями по сословным, классовым, национальным, религиозным, региональным, возрастным, гендерным и другим линиям. Пореформенный период в России был, как выразился французский историк Ф. Бродель, *une longue duree* — долгосрочным периодом медленного накопления великих перемен²¹.

Перед самодержавием и обществом стоял вопрос: будет ли Россия европейским государством или пойдет своим особым путем? Манифест 17 октября 1905 г. даровал Государственную думу и политические свободы, превратил самодержавный государственный строй в «полусамодержавный», «полуконституционный» строй и сблизил Россию со многими европейскими государствами. Однако на пути дальнейшего конституционного развития России встало несогласие правительственной бюрократии, части партийного спектра и даже самого императора Николая II, собственно, и даровавшего Манифест 17 октября, на движение Российской империи к модели европейской либеральной государственности и законности. Этот всеобщий отказ не имел аналогов в истории европейских революций²².

Все небольшевистские партии и движения прекратили свое существование в СССР или были ликвидированы органами безопасности в 1920-х гг. Многие продолжали действовать в эмиграции параллельно с новыми эмигрантскими движениями. Начиная с дореволюционных лет и вплоть до наших дней в изучении политических партий имеют место быть элементы мифотворчества, особенно идеализации и демонизации различных партий и течений. Требуется большая кропотливая работа по всестороннему исследованию российских партий и по определению их места и значения в истории европейских политических партий.

Литература

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / Академия наук СССР, Институт истории СССР. М., 1991. 392 с.
2. Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России: материалы Междунар. конф. (Москва, 21–22 мая 1996 г.) / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 123–130.
3. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.

²¹ Рокки Т. Революция справа... С. 53.

²² Там же. С. 51–52.

4. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 287 с.
5. Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М.: Мысль, 1984. 566 с.
6. Омелянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
7. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
8. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 46 с.
9. Общественное движение в России в начале XX-го века: в 4 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1909–1914.
10. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 872 с.
11. Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
12. Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 октября 2019 г.). Тула, 2020. С. 412–421.
13. Рокки Т. Революция справа: российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 47–64.
14. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 886 с.
15. Степанов С. А. Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Язуа-пресс, 2013. 669 с.
16. Daly Jonathan W. Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. 260 p.
17. Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop., 1993. 376 p.
18. Melancon M. “Marching Together!”: Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

References

1. Ivanov A. E. Vysshiaia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Higher school of Russia in the late XIX – early XX century] / Akademiia nauk SSSR, Institut istorii SSSR. Moscow, 1991. 392 p. (In Russ.).
2. Kriven’kij V. V. Novye dannye sravnitel’no-kolichestvennogo analiza politicheskikh partii Rossii [New data of comparative quantitative analysis of political parties in Russia] // Istoriiia natsional’nykh politicheskikh partii Rossii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 21–22 maia 1996 g.) / otv. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 1997. P. 123–130. (In Russ.).
3. Leikina-Svirskaia V. R. Intelligentsiia v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Intelligentsia in Russia in the second half of the XIX century]. Moscow: Mysl’, 1971. 366 p. (In Russ.).

4. Leikina-Svirskaja V. R. Russkaia intelligentsiia v 1900–1917 godakh [The Russian intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl', 1981. 287 p. (In Russ.).
5. Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii [Non-proletarian parties of Russia: A history lesson] / pod obshch. red. I. I. Mints'a. Moscow: Mysl', 1984. 566 p. (In Russ.).
6. Omel'yanchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe] // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).
7. Omel'yanchuk I. V. Pravyye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Rossiyskaya istoriya. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
8. Omel'yanchuk I. V. Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901–1914 gg.) [The Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Voronezh, 2006. 46 p. (In Russ.).
9. Obshchestvennoye dvizheniye v Rossii v nachale XX-go veka [Social movement in Russia at the beginning of the XXth century] / pod red. L. Martova, P. Maslova i A. Potresova. St. Petersburg: Tip. t-va «Obshchestv. pol'za», 1909–1914. (In Russ.).
10. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka: entsiklopediia [Political parties of Russia. The end of the XIX – the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 872 p. (In Russ.).
11. Politicheskie partii Rossii: istoriia i sovremennost' [Political parties of Russia: History and modernity]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 631 p. (In Russ.).
12. Rokki T. Evropeiskaia «Epokha dinamita» i politicheskii terrorizm v Rossiiskoi imperii: uroki istorii [The European “Dynamite Era” and political terrorism in the Russian Empire: History lessons] // Mir oruzhiia: istoriia, geroi, kolleksii: sb. materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tula, 16–18 oktiabria 2019 g.). Tula, 2020. P. 412–421. (In Russ.).
13. Rokki T. Revoliutsiia sprava: rossiiskoe chernosotenstvo i ego mesto v istorii obshcheevropeiskikh kraine pravykh partii i dvizhenii [Revolution on the right: the Russian Black Hundreds and its place in the history of pan-European far-right parties and movements] // Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'. 2018. Vol. 10. № 1. P. 47–64. (In Russ.).
14. Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v. [Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX century]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 886 p. (In Russ.).
15. Stepanov S. A. Chernaia sotnia: chto oni sdelali dlia velichii Rossii [The black Hundred: what they did for the greatness of Russia]. M.: Iauza-press, 2013. 669 s. (In Russ.).
16. Daly Jonathan W. Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. 260 p.
17. Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop., 1993. 376 p.
18. Melancon M. “Marching Together!”: Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.